

ОПАСНЫЕ СТРАСТИ

ОСТРОСЮЖЕТНЫЕ
МЕЛОДРАМЫ

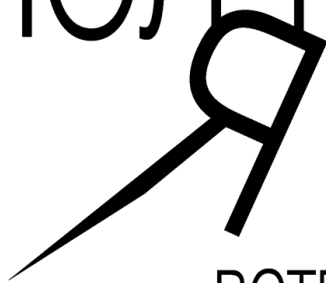
Читайте романы
Аллы Полянской
в серии «Опасные страсти»:

Одна минута и вся жизнь
Слишком чужая, слишком своя
Прогулки по чужим ночам
Моя незнакомая жизнь
Женщина с глазами кошки
Найти свой остров
Право безумной ночи
Невидимые тени
Часовой механизм любви
Невозможность страсти
Встреча от лукавого
Вдвоем против целого мира
Тайны виртуальной жизни
Вирус лжи
Если желания не сбудутся
Фарфоровая жизнь
Против ветра, мимо облаков
Кто на свете всех темнее
Ничего не возьму с собой
Когда ад замерзнет

АЛЛА
ПОЛДНСКАЯ

ВСТРЕЧА
ОТ ЛУКАВОГО

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

Оформление серии *С. Курбатова*

Редактор серии *А. Антонова*

Полянская, Алла.

П54 Встреча от лукавого / Алла Полянская. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (Опасные страсти. Остросюжетные мелодрамы).

ISBN 978-5-04-183643-6

Ангелина Яблонская, начальник отдела рекламы, в один отнюдь не прекрасный день нашла сомнительные документы со своей подписью. Но она ничего не подписывала! В результате — публичный разнос от шефа и увольнение с позором! Казалось бы, хуже уже быть не может, но когда Лина вернулась домой раньше времени, она услышала из прихожей, как муж и свекровь обсуждают чьи-то похороны... ее похороны! Что ж, раз она все равно никому не нужна, Лина решила покориться судьбе и ждать киллера. И киллер появился! Но так случилось, что убивать ее он не стал. С этого момента и начались их общие неприятности...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

**Copyright © PR-Prime
Company, 2019**
© Оформление.
ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-183643-6

1

Моя смерть назначена на сегодня, часов на пять.

Крыша теплая, несмотря на начало октября, и на ее черном фоне ярко выделяются желтые листья. Как они сюда попали, четырнадцатый этаж все-таки?.. Я села на теплый рубероид, оперлась спиной о кирпичный выступ воздуховода и стала ждать. У меня в запасе было полчаса.

Нет, можно сейчас куда-то бежать, суетиться, прятаться, но выглядеть это будет жалко и смешно. Когда нанимают убийцу, он в любом случае сделает свое дело, потому что у него нет к объекту ничего личного — это просто бизнес. Бегай не бегай...

Я посмотрела на город — даже если бы не было этих желтых листьев, даже если бы не видно было облетевших кленов на бульваре, я бы знала, что сейчас осень — по цвету реки. Она разная — весной и летом, а осенью и вовсе особенная, даже в солнечный день она очень синяя, нахмуренная, не то что летом. Хорошо бы сейчас пойти туда, побродить по песку, зайти в воду ненадолго — промочить ноги и чувствовать себя живой, до последней клетки живой и настоящей. Потому что впереди есть завтра, и это «завтра» длинное, на годы — оно все есть и есть, оно никогда не заканчивается.

Но сегодня — это сегодня. И никакого «завтра» уже не будет.

Никогда так хорошо не дышится, как за полчаса до смерти.

Нет, уже меньше.

Не могу сказать, что я не боец. Нет, я всегда умела постоять за себя. Но сейчас во мне словно что-то сломалось, и пришел покой. И мысль о том, что скоро придет конец, меня не особенно тревожит — я сижу, смотрю на реку и думаю о том, что сказал Гендальф насчет той стороны — серая, как дождь, завеса этого мира отдернется, и откроется серебристое окно, и там будут белые берега. А за ними — далекие зеленые холмы под восходящим солнцем. Я представляла себе этот новый мир, в который я войду, и никуда не хотелось бежать. Все, что тревожило меня и причиняло боль, я оставлю здесь.

Ежедневная беготня за материальными благами — это глупо, так глупо! Вот сижу я на крыше и думаю о том, что не заберу с собой ничего. То есть вообще — ничего. Кроме воспоминаний, если предположить, что Гендальф сказал правду, хотя с чего бы ему врать?

Они решили, что избавятся от меня. В какой-то момент мне вдруг стало смешно — ну что они могут себе забрать, мою квартиру? О господи. Это мой муж, с которым я прожила пять лет, и его мать.

Я узнала об этом неделю назад. Как-то все быстро стало сыпаться, одно за другим — сначала я подала на развод. Наняла адвоката, заплатила ему и расслабилась — процесс будет идти без меня. Я хотела развестись давно, на то были причины, но решила только сейчас, потому что настал момент, когда удельный вес моего пофигизма стал меньше того, что приходилось терпеть. К этому все шло, и мы с Виктором оба это понимали, а потому он воспринял мое сообщение о грядущем расставании

с покорностью святого, смирившегося со своей судьбой. Мы договорились, что он проживет в моей квартире до развода, а тем временем найдет себе жилье. С его же стороны последовало обещание, что его мать перестанет к нам приезжать. Машину мы договорились оставить ему, он обещал выплатить мне половину ее стоимости. И хотя кредит погашала я, но это мелочи — плата за свободу. Адвокат покивал — что ж, это мое решение, он был настроен забрать в мою пользу совершенно все, Виктор ему явно очень не понравился. А я решила — пусть. Я все равно мало езжу на машине.

Решив все так, я успокоилась. Суд был назначен через две недели. Ничего особенного, другие люди тоже разводятся, это не трагедия. Виктор решил адвоката не нанимать, так что на суд он пойдет сам, а я считала, что мне это не нужно.

И все было неплохо — ровно до тех пор, пока через неделю после того, как из суда прислали бумагу, уведомляющую стороны, то есть нас с Виктором, о дате слушания, с легкой руки моей лучшей подруги меня не уволили с работы. Я пришла домой раньше, чем прихожу каждый день, и услышала разговор дражайшего супруга с не менее дражайшей свекровью, которая не должна была больше приезжать в мою квартиру в соответствии с нашими договоренностями. Но она сидела в моей гостиной, и они с Виктором деловито обсуждали, как нужно организовать похороны, когда полиция отдаст тело, и сокрушались, что все очень дорого, а оставить труп в морге тоже нельзя — соседи осудят, и родня не поймет, так что придется потратиться на приличный гроб... Я сначала подумала, что умерла свекровка мать в Костроме, но она жила со своей второй дочерью, и хоронить ее, если что, будут там — да и с чего бы ее тело забирать из полиции?

А потом муж сказал:

— Ее брат приедет, вопросы будет задавать.

— Ну и скажем, что кто-то ее убил, пусть в полицию обращается. Он никто, какой-то компьютерщик! Поспрашивает, на том и сядет. Не бойся, сына. Смотри, как все удачно: мы и время знаем — после обеда, ближе к вечеру, подготовим алиби на всякий случай. А потом человек привезет фотографии трупа, и остальное тоже, я отдам ему остаток денег, и ты свободен. Изобразишь безутешного вдовца, а через пару месяцев забудешь все как страшный сон. Нельзя допустить развода, эта квартира не подлежит разделу, я узнавала. Ты останешься ни с чем.

— Мам... Это все-таки очень опасно.

— А что ты предлагаешь? Она разведется с тобой, и ты останешься на улице! Я, конечно, приму тебя, но зачем такие жертвы? Еще и деньги ей за машину заплатишь! А так — детей у вас нет, кому она нужна, чтобы копаться в ее смерти? Каждый день людей убивают, тоже мне — проблема. Нет, сына, не для того ты пять лет терпел ее, чтобы в итоге...

И я поняла, что это они о моих похоронах договариваются. А страшный сон — это я. Нет, ну нормально? Страшный сон, значит. В принципе, я и сама давно была не рада нашему сосуществованию, но чтобы такое? И ведь очень креативное решение, если вдуматься. Пожалуй, для моего мужа это отличный выход. Но мне отчего-то он не нравится. Мне отвратительно думать, что свекровь и муж будут трястись над каждой копеечкой, и в итоге на моей могиле сиротливо забелеет фанерная табличка с надписью: Ангелина Яблонская, 28 лет, главная лузерша страны. В общем, я это услышала и, конечно, не обрадовалась.

Я минуту стояла в прихожей, замерев от удивления и ужаса. Потом попятилась к двери и выскочила на лестничную площадку, тихо заперев замок. Это я покупала замок — хороший, израильский, практически бесшумный, дверь тоже добротная — тяжелая, бронированная, обитая дубом, она открывается и закрывается с мягким, едва слышным щелчком. Я обустроивала свое жилье, не жалея денег, — ну, как же, мое собственное гнездо! Квартину эту оставила мне бабушка — мать папы. У нас с братом разные отцы и, соответственно, разные бабушки, хотя они обе не делали между мной и Петькой разницы, принимая нас у себя. Но квартиру бабушка Маша все-таки оставила мне — родная внучка, единственная, опять же. И еще пополам с Петькой нам досталась старенькая дача постройки сороковых годов прошлого века, и брат получил старинные золотые дедовские запонки с бриллиантами, продав которые, он купил себе квартиру в Питере, потому что там у него была работа. А родня шепталась, что вот ведь Петька внук не родной, а Маша святая — его не обделила.

Мне эти разговоры были ненавистны, как и все, что родственники развели вокруг бабушкиных похорон, она, я знаю, ненавидела мещанские условности и всегда их высмеивала. Но что можно доказать этим людям, непонятным образом оказавшимся моими родственниками? Они понимают скорбь как нечто показное, как демонстративные слезы и черные траурные одежды — может быть, оттого, что на самом деле никакой скорби не испытывают, а вздыхают с постными лицами потому, что так «положено». Зачем они явились на бабушкины похороны, тоже было неясно, я забыла о них сразу же, как только они закрыли за собой дверь. Мне ни к чему эти незнакомые люди, кото-

рым плевать на бабушку, но очень хочется поучаствовать в тусовке.

Мы с Петькой горевали о бабушке Маше одинаково, потому что она и все, что связано с ней, — это было наше счастливое детство. Она сумела нам его организовать, Петька никогда не чувствовал себя «неродным внуком», хотя, конечно, фактически бабушка Маша была только моя. После ее похорон я моментально выбросила из дома всю родню, желающую порыться в бабушкиных комодах, и мы с Петькой стали осторожно разбирать ее платья, кофточки, шляпки и ридикюли. И плакали, понимая, что вместе с бабушкой Машей ушло от нас что-то важное и настоящее. Счастье. И теперь мы уже не любимые внуки, а взрослые граждане, и в этой взрослой жизни у Петьки есть гангрена-жена, неведомо как им приобретенная, а я и вовсе пока бултыхаюсь, как есть. И больше никогда мы не увидим нашу бабушку Машу — веселую, заводную, в вечной шляпке, набекрень сидевшей на тщательно завитых кудрях. Это был худший день в моей жизни, все бабушкины вещи мы просто вывезли на дачу. Выбросить рука не поднялась. На даче бываем только мы с Петькой, да еще он дочку свою берет. По негласному нашему с ним договору ни мой супруг, ни Петькина жена Светка там не бывают. Тут не столько даже мы договорились, сколько так вышло, что наши «половины» оказались эмоционально ущербными, и наш домик не выдержит их присутствия. Он такой милый, построенный на берегу реки — в этом месте раздавали дачи ученым, а родители бабушки Маши как раз и были научными работниками в каком-то техническом институте. Дача находится в уютном дачном поселке всего в пяти километрах от города, мне туда ездить очень удобно, а